

Глубокоуважаемый Федоръ Михайловичъ! Я такъ была счастлива Вашимъ письмомъ, что нѣсколько дней сряду никакія житейскія непріятности, которыхъ у каждаго довольно, какъ то не дѣйствовали на меня и были безсильны замутить эту радость. Затѣмъ наступило грустное раздумье на тему, что я *не стою Вашего письма* – въ жизни моей я никогда ни чему не училась, никогда не работала надъ собою, всегда отдавалась тому только, что мнѣ нравилось, что влекло меня къ себѣ въ данную минуту; за *что же* это *хорошее*, почти *дружеское* письмо, за что *ВЫ* говорите со мною какъ съ человѣкомъ вполнѣ образованнымъ, разумнымъ и серьезнымъ. Мнѣ просто кажется, что я украла у Васъ

// л. 17

это письмо, что оно относится не ко мнѣ, къ кому то другому кто лучше меня, что оно попало ко мнѣ по ошибкѣ, или же я представила себя совсѣмъ другою, *въ ложномъ свѣтъ* въ своемъ прошломъ письмѣ къ Вамъ. Но нѣтъ – не можетъ быть: я знала людей, которые очень строго относились ко мнѣ, даже враждебно, и находили во мнѣ *много недостатковъ*, но *преднамеренной фальши* – никогда! Отгону же я это раздумье и останусь только съ одной своею радостью. Первое мѣсто въ этой радости занимаетъ мысль – лично познакомиться съ Вами – объ этомъ до сихъ поръ я какъ то запрещала себѣ и мечтать, на столько оно казалось мнѣ несбыточнымъ. Въ Ессентуки необходимо ѣхать черезъ Харьковъ и вотъ мы будемъ имѣть счастье видѣть

// л. 17 об.

Васъ у себя. Я говорю *МЫ*, такъ какъ мужъ мой это одинъ изъ самыхъ искреннихъ поклонниковъ Вашего таланта, хотя и возражалъ на нашемъ послѣднемъ «вечерѣ чтенія» на Вашу замѣтку о банкахъ. Въ чемъ состоялъ его протестъ я не сумѣю Вамъ передать, такъ какъ ровно ничего не понимаю въ его банковыхъ дѣлахъ и нахожу ихъ настолько скучными, что удаляюсь обыкновенно въ другую комнату, когда заходитъ рѣчь о банкахъ. Въ этотъ же вечеръ я очень была огорчена тѣмъ, что одинъ нашъ знакомый офицеръ (превосходно читающій за *Вронскаго* въ «*Аннѣ Карениной*») испортилъ своимъ слишкомъ *громкимъ, мѣрнымъ, военнымъ* голосомъ, Вашъ рассказъ «*Столытняя*» и онъ не произвелъ должнаго впечатлѣнія. Я никакъ не могла простить себѣ, что не читала

// л. 18

сама, а поручила *ему* читать, думая не прочтетъ ли онъ *лучше* меня, между тѣмъ, когда читала я («*Мальчикъ на елкѣ у Христа*» «*Мужикъ Марей*») многія не могли слушать безъ слѣзъ, а *этотъ* рассказъ нашли гораздо слабѣе, тогда какъ по моему онъ очень теплый и симпатичный.

Позвольте разъяснить Вамъ, что значить «читалъ за *Вронскаго*»<.> Видите ли на нашихъ литературныхъ вечерахъ читается также, каждый разъ по полученіи «*Анна Каренина*» и читается такъ: я читаю главы въ которыхъ говорится объ *Аннѣ Карениной*, дядя мой (превосходный чтець) о *Левинѣ* и *Облонскомъ*, этотъ офицеръ

о *Вронскомъ* и одна барышня о *Кити*. Чтеніе выходитъ чрезвычайно оживленное. Каждый изъ насъ *приготавливается* къ этому чтенію,

// л. 18 об.

я такъ обыкновенно знаю наизусть свои главы. –

Какъ мнѣ интересно было бы знать какого Вы мнѣнія объ этомъ романѣ, но не смѣю спрашивать, такъ какъ отвѣчать на этотъ вопросъ *коротко* вѣроятно невозможно. Остается надѣяться не скажите ли Вы чегонибудь объ этомъ въ Вашемъ «*Дневникѣ*»<.> Романъ этотъ на столько всѣхъ занимаетъ, что Вамъ слѣдовало бы высказаться на его счетъ, тѣмъ болѣе, что читая «разборы» о немъ, такъ и хочется сказать: «*Но какже критика хавроньей не назвать*»*<.> Не одна критика впрочемъ богата «*хавроньями*» ими богато и общество: «почему, видите ли, Толстой не описываетъ студентовъ, не описываетъ народъ?!» точно можно художнику, подлаживаясь подъ *ходячія требованія*, писать *по заказу*,

*Какъ странно, въ нашъ вѣкъ скептицизма, анализа и разрушенія, нѣтъ ни одного порядочнаго критика – это просто точно насмѣшка судьбы!

// л. 19

точно Айвазовскаго, положимъ, можно упрекнуть за то, что онъ рисуетъ море и небо, а не мужика и студента и какъ смѣтъ требовать отъ писателя, романа по извѣстному шаблону и отрицать его значеніе, если онъ ему не соотвѣтствуетъ. – Въ виду всѣхъ этихъ разнорѣчій, почему бы Вамъ не высказаться? Положимъ «критическій взглядъ на романъ» не подойдетъ, кажется, ни подъ одну рубрику Вашего «Дневника»; но вѣдь Вы *сами же* ихъ настроили, стало быть можете и разстроить. Вообще я не знаю, зачѣмъ Вамъ стѣснять себя какими бы то ни было рамками, между тѣмъ Вы говорите: «Мѣста займетъ много, будетъ не разнообразно, мало статей» Что жъ за бѣда! Если бы, предположимъ, «Дѣло Кронеберга» этотъ Chef-d'œuvre Вашего дневника (по признанію самыхъ

// л. 19 об.

строгихъ судей) заняло бы цѣлый №, не оставивъ мѣста разсказу и проч. чтожъ такое: и не даетъ же оно обществу (нравственнаго удовлетворенія) даже больше, чѣмъ отрывочныя впечатлѣнія, вызываемыя разнообразными случайностями. Я знаю людей, которые придаютъ огромное значеніе этой статьѣ. Они говорятъ: «Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, забудется дѣло Кронеберга, забудется все, что писалось и говорилось по этому дѣлу, всѣ фразистые фельетоны, всѣ слащаво-гуманныя рѣчи, одна только *эта* статья никогда не утратитъ своего значенія и будетъ служить живымъ укоромъ и обществу, и адвокатурѣ, и всѣмъ намъ». Да, по моему, каждое произведеніе человѣка, въ которое онъ вложилъ частичку своей души, – безсмертно и вдругъ мы лишились бы этой статьи изъ за того, что

// л. 20

«Мѣста займетъ много, будетъ не разнообразно, мало статей» Вѣдь Вы сами творецъ Вашего «Дневника», кто же имѣетъ какое бы то ни было право требовать отъ Васъ, во что бы то ни стало, извѣстныхъ рубрикъ, да и у кого въ обществѣ сложился взглядъ *«чьмъ долженъ быть «Дневникъ писателя»*. Когда я въ первый разъ прочла объявленіе о «Дневникѣ», я никакъ не могла представить себѣ, что именно это будетъ: раздумье ли Ваше о прошломъ и настоящемъ, анализъ ли текущихъ взглядовъ, направленій, событій, біографія ли Вашей собственной жизни, или вымышленнаго лица – писателя, я увѣрена была только, зная Васъ по всѣмъ Вашимъ другимъ произведеніямъ, что это будетъ умно, тепло, интересно, искренно, и радовалась этой счастливой мысли: писать: «Дневникъ»<.> Когда полученъ былъ 1^й №, мнѣ

// л. 20

показалось, что *именно такимъ онъ и долженъ быть* и другимъ быть не можетъ, однимъ словомъ «Солнцемъ безъ пятенъ»<.> Впрочемъ Вы вѣроятно отнесете это къ моему дару «одно хорошее видѣть». Но объ этомъ послѣ, а теперь еще о «Дневникѣ»<.> Съ величайшимъ интересомъ прочла я о цѣли, во имя которой Вы взялись за него и заблаговременно предвкушаю мысленно наслажденіе отъ будущаго длиннаго романа*, – одно меня смущаетъ за Васъ, – это *обязательность срока* (я говорю о «дневникѣ»): мнѣ кажется, это должно быть крайне непріятно и обременительно; но, если это непріятно, за то какъ хорошо то, что «Дневникъ писателя» является дѣломъ вполне самостоятельнымъ,

*Въ памяти еще живы впечатлѣнія «Подростка»<.> «Пансіонъ Тушара»<.> «Смерть Оли»<.> и др. художественныхъ сценъ, которыя мнѣ также приходилось читать громко въ обществѣ.

// л. 21

независимымъ. Извольте поддѣлываться подъ тенденціи какой нибудь редакціи и имѣть ихъ въ виду, принимаясь писать (это тоже своего рода цензура); а тутъ – самъ себѣ господинъ, – превосходно!

Почему доктора посылаютъ Васъ въ Ессентуки, а не въ Крымъ? У насъ въ Харьковѣ есть превосходный докторъ Франковскій – это человекъ идеально честный, правдивый, много учившійся, много читавшій, много видѣвшій, долго жившій. Онъ бывалъ вездѣ и заграницей, и на Кавказѣ, и въ Крыму и находитъ, что ничего не можетъ сравниться полезностью съ приморскимъ воздухомъ, морскими купаньями и винограднымъ леченіемъ для cadaго организма, чѣмъ бы онъ ни страдалъ. Между тѣмъ въ «Ессентукахъ» страшная сырость, грязь, отсутствіе какихъ

// л. 21 об.

бы то ни было удобствъ къ жизни – всѣ бывшіе тамъ въ прошломъ году страшно роптали и никто не поправился, а Крымъ просто творитъ чудеса. Мы жили тамъ

въ прошломъ году и видѣли во очію такія превращенія изъ умирающихъ въ здоровые, что трудно повѣрить, не бывши свидѣтелями. Кромѣ того роскошная, сказочная природа, всевозможныя удобства къ жизни, все это способствуетъ поправленію.

Но, можетъ быть, прежде, чѣмъ Вы поѣдите въ Ессентуки, я буду въ Петерб. (это зависитъ отъ банковыхъ дѣлъ мужа такъ какъ меня обыкновенно везутъ туда при оказіи) и, если позволите, явлюсь представиться Вамъ и супругъ Вашей, которой прошу Васъ потрудиться передать мое почтеніе. Чтобы обрисовать Вамъ, насколько я до смѣшного интересуюсь всѣмъ касающимся Васъ, расскажу

// л. 22

слѣдующее происшествіе: услышавши, что одинъ изъ хорошо знакомыхъ мнѣ кригопродавецъ Кукомскій (сосѣдъ нашъ по магазину – у насъ чайная торговля, которой я завѣдую) получилъ дѣловое письмо отъ Вашей жены, я просила его дать мнѣ прочитатъ это письмо, что онъ, разумѣется, исполнилъ съ удовольствіемъ. Конечно это было обыкновенное дѣловое письмо и я ничего не могла ждать отъ него, но все таки мнѣ какъ то пріятно было, что это пишетъ близкій Вамъ человѣкъ – Ваша жена. Вообще – я должна предупредить Васъ, что во мнѣ очень много такого смѣшного, институтскаго, не смотря на то, что я никогда не была институткой и что это «И не къ лицу и не по лѣтамъ» такъ какъ мнѣ 35 лѣтъ и я мать 4^х дѣтей.

Что же касается до моего дара «одно хорошее

// л. 22об.

видѣтъ» то это не совсѣмъ такъ – у меня всегда крайности – или одно хорошее, или одно дурное, такъ напр. въ Нѣмецкихъ Школахъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ я видѣла только одно дурное и никакъ не могла принудить себя видѣтъ хоть что нибудь хорошее, между тѣмъ какъ Школа *Mme Rapp-Carpantier* (автора многихъ дѣтскихъ книгъ) въ Парижѣ привела меня въ такой восторгъ, что я не замѣтила въ ней ни пятнышка. Такъ и относительно людей, или люблю безгранично, или терпѣть не могу.

Мать у меня была Молдаванка – дочь, нѣтъ внучка господаря Молдавіи Гико, сдѣлавшая *misalliance*, женщина холерическаго темперамента и вотъ я* унаслѣдовала всѣ ея отрицательныя качества: порывистость, нетерпимость, вспыльчивость, нервность, впечатлительность, все то, что мѣшаетъ человѣку

*«Опять членъ случайнаго Семейства»

«Подростокъ»

// л. 23

спокойно и безпристрастно смотрѣтъ на міръ Божій. И понимаю, что это дурно, да не умѣю передѣлаться.

Теперь просьба съ которою я приступаю очень робко и нерѣшительно –
просьба о Вашей фотографической карточкѣ, или портретѣ, но если Вы захотите
представить себѣ какъ много радости дадите Вы человѣку исполнивши эту
просьбу, Вы навѣрное ея исполните.

Глубокоуважающая Васъ

Х. Алчевская

Адресъ мой: Харьковъ. Христинѣ Даниловнѣ (а не Давыдовнѣ) Алчевской
19го Апрѣля
1876 г.

// л. 23 об.

Петербургъ.

Заказное.

Его Высокоблагородію
Федору Михайловичу
Достоевскому.

Греческій Проспектъ, подлѣ Греческой Церкви, домъ Струбинскаго. Кв. № 6^и

Отъ Алчевской

// л. 24

<На обороте конверта на штемпелях:>

ХАРЬКОВЪ 20 АПР. 1876

С. ПЕТЕРБУРГЪ 23 АПР. 1876

// л. 24 об.